

Н. Г. КУЗНЕЦОВА (Томск)

КОНВЕРСИЯ В СЕЛЬКУПСКОМ ЯЗЫКЕ

Случаи материальной идентичности имени и глагола (слов или основ) известны многим языкам мира: тюркским, тунгусо-маньчжурским, палеоазиатским, уральским (Серебренников 1983: 235). В специальной литературе по финно-угроведению использование формы (основы) в качестве именной и глагольной обычно объясняется ее уральской (финно-угорской) бифункциональной природой. В свою очередь наличие бифункциональных или амбивалентных основ в прауральском (прафинно-угорском) традиционно связывают с историей развития частей речи, усматривая причину использования подобных основ в том, что праязык сохранял некоторые черты более древнего состояния, когда части речи еще четко не разграничивались (см., например, Хакулинен 1953: 65; ОФУЯ 214; Майтинская 1975: 125). В самом же прауральском (прафинно-угорском) части речи как семантико-функциональные разряды слов существовали: на праязыковом уровне бифункциональные (амбивалентные) основы реконструируются параллельно основам с однозначной классной (глагольная, именная) принадлежностью (Серебренников 1962: 140; Rédei 1988). Но не все случаи бифункциональности в финно-угорских языках могут быть объяснены возведением к древнему состоянию. Современные финно-угорские языки располагают и этимологически независимыми друг от друга амбивалентными основами, среди которых есть заимствования с одинаковым или близким значением (Molnár 1985). В самоедологии в противоположность финно-угроведению материальная идентичность глагольных и именных основ связывается с процессом деривации (первых от вторых), протекающим без осложнения основы мотивирующего слова словообразующим аффиксом и классифицирующимся как конверсия. Теоретической базой при разработке вопросов конверсии в самодийских языках послужили работы известного англиста А. И. Смирницкого (Смирницкий 1953; 1954; Сорокина 1976: 172—173; Терещенко 1979: 248—250). Поскольку в современном языкознании для обозначения деривационных процессов, протекающих без использования аффиксов, применяют разные и не вполне тождественные термины («безаффиксальное словообразование», «нулевое словообразование», «конверсия» и т. п.), уточним, что конверсию в самодийских языках можно определять как процесс морфологической транспозиции (перевода знака из одной категории в другую) и, следовательно, как процесс полной смены парадигмы у исходной единицы или полное изменение у нее морфологического окружения. При этом морфологическая транспозиция должна носить словообразовательный характер (ср. Кубрякова 1974: 75).

В рамках отыменного образования глаголов выделяется конверсия и в селькупском языке (ОчСЯ 347; Кузнецова 1987 : 39), однако число производных, образованных в нем таким способом, значительно уступает в количественном отношении суффиксальным отыменным дериватам (ср. Кузнецова 1990). По диалектам языка наблюдаются расхождения в конкретных случаях проявления конверсии. Нередко основы имен и глаголов, соотносящиеся по конверсии в одном из диалектов, в другом связаны суффиксальными словообразовательными отношениями и наоборот. В части диалектов (в основном северных) конверсия имеет большее распространение, чем в остальных, где происходит разграничение именных и глагольных основ благодаря присоединению к последним аффиксов. Этот способ словообразования касается в селькупском языке прежде всего двусложных непроемных основ.

Сейчас селькупские основы, связанные отношениями конверсии, имеют в назывных формах следующие типы морфологического окружения:

а) в мотивирующем слове (существительное) основа сочетается с нулевой морфемой, в мотивированном — с показателем инфинитива: таз. *ora* 'горсть' — *ora-ɣo* 'схватить' (Е 171);

б) как в мотивирующем (прилагательное), так и в мотивированном (глагол) слове за основой следует показатель соответствующего класса: таз. *kiry-l* 'ободранный' — *kiry-ɣo* 'ободрать' (ОчСЯ 347).

Но прежде тип морфологического окружения у соотносительных основ, очевидно, был иным. Так, в обских говорах еще сравнительно недавно чистая глагольная основа могла функционировать в качестве знаменательного компонента аналитических бивербальных конструкций (материалы Н. П. Григоровского, XIX в. — Хелимский 1988 : 37), не являясь грамматической абстракцией, как на синхронном срезе, а использование ряда прилагательных в виде чистой основы и сегодня отмечается по всем диалектам языка (см., например, ОчСЯ 226). Следовательно, в определенный период времени для селькупского можно предполагать звуковое равенство исходных форм имени (существительного, прилагательного) и глагола, оно выделяется рядом исследователей в качестве необходимого условия развития конверсии (см., например, Карашук 1977 : 191; Аракин 1985 : 159; Arnold 1986 : 154). В отношении же современного состояния языка, как и других самодийских, допустим термин «неомонимическая конверсия», введенный для древнеанглийского, в котором еще не существовало омонимии назывных форм имени и глагола, так как основа последнего оформлялась показателем инфинитива (Смирницкий 1956 : 79; Жлуктенко 1958 : 60).

Материальная идентичность селькупских глагольных и именных основ при полном совпадении личных окончаний объектной серии (для переходных глаголов) с суффиксами посессивности, а субъектной (для непереходных глаголов и для переходных глаголов при детерминированном объекте) — с предикативными показателями существительных не всегда ведет к межпарадигматической омонимии (предикативные формы существительных : наст. вр. индикатива непереходных глаголов; ном. посессивного скл. существительных : наст. вр. индикатива переходных глаголов в объектном спряжении). Последняя полностью исключается, если глаголы, образованные способом конверсии, являются непереходными: семантика существительных, выступающих для них мотивирующими, не допускает предикативного употребления. У переходных дериватов от вокалических основ возможна омонимия форм настоящего времени индикатива в объектном спряжении и номинатива посессивного склонения существительных. На севере для ее разреше-

ния может использоваться суффиксальный маркер времени. Он встает между основой глагола (= имени) и показателями лица-числа, идентичными притяжательным аффиксам (ср. ОчСЯ 236). На юге, где настоящее время индикатива от двусложных вокалических основ образуется прежде всего перегласовкой их ауслaute (Hajdú 1963 : 76; Collinder 1969 : 465), идентичной перегласовке исхода субстантивных основ в номинативе посессивного склонения, бессуффиксальная деривация глаголов от основ существительных на гласный распространения не получила. У транзитивов с консонантными основами, образованных от существительных способом конверсии, совпадение форм с формами именной парадигмы исключено: глаголы на согласный регулярно используют в настоящем времени индикатива морфологический маркер. Известную роль в вопросе разрешения глагольно-именной омонимии мог бы играть порядок слов селькупского предложения, если бы в последнем место подлежащего, прямого дополнения и сказуемого всегда было строго определенным. Но в настоящее время порядок слов в селькупском предложении более свободный, чем засвидетельствованный Г. Н. Прокофьевым (Прокофьев 1937 : 118; ОчСЯ 354).

Основы существительных и глаголов, прилагательных и глаголов, связанные в языке отношениями конверсии, могут различаться качеством финального гласного, его присутствием или отсутствием (*a, i, (ə, u), Ø*). Однако эти различия для словообразования не существенны: данные гласные не несут деривационного значения. В то же время чередование *i (ə, u) ~ a* в ауслaute основы характерно для образования форм именной и глагольной парадигм. В результате процесса морфологического переразложения чередующиеся гласные основ отходят к окончаниям. Редуцируясь до нуля, эти гласные легко утрачиваются в назывных формах. Поэтому селькупские основы, различающиеся огласовкой по указанному типу, можно рассматривать в качестве этимологически тождественных морфологических (фонетических) дублетов. По-видимому, аналогично интерпретируются и самодийские основы в парах, члены которых могут быть связаны отношениями конверсии: **merkä* 'Wind', **merkz-* 'wehen' (J 93); **kətä* 'Nagel, Krallen', der. **kətä-* 'kratzen' (J 55—56) и т. п. По крайней мере, продолжения приведенных самодийских праформ находятся в селькупском языке в указанных словообразовательных отношениях (см. далее). В свою очередь сельк. южн. *üt, öt, öd* 'вода', *ütku, ötku, ödgu* 'попить, выпить' (ср. сев. *üt, ütiko*) < сам. **wit* 'Wasser'; der. **witz-* (? **witä-* ~ **witəj-*) '(Wasser) trinken' (J 176) можно считать результатом исторически сложившегося фонетического совпадения морфологически различившихся в определенный период времени слов, т. е. проявлением омонимии.

Конверсия в селькупском языке не является активно действующим словообразовательным процессом. О ней следует говорить скорее как о сложившемся типе деривационных отношений между именем и глаголом на данном этапе развития языка. Для обозначения такого типа синхронных структурных связей между двумя частями речи может использоваться и термин «моделированная омонимия» (Иванова 1963 : 205). Синхронный аспект конверсии предполагает раскрытие семантических (внутренних, мотивационных) отношений между базисными словами, в данном случае именами, и их дериватами — глаголами. При этом производность глагольного слова должна подтверждаться его более сложной семантической структурой по сравнению с производящим именем (Смирницкий 1956 : 82). Признание производности глаголов и простоты имен среди слов с общей основой отвечает в селькупском языке характеру внутренних связей между ними, а семантические от-

ношения между именами и глаголами укладываются в рамки определенных корреляций. Семантико-синтаксическая классификация деноминальных глаголов бессуффиксального образования в зависимости от синтаксической функции производящего имени в соответствующих предложениях выглядит следующим образом:

1. 'X : быть X' (реже — 'стать X', 'сделать X'), где X — основа качественного прилагательного. Прилагательное является в предложении именной частью составного сказуемого, сочетающейся с глаголами со значением 'быть' и 'стать': таз. *ñorqaqo* 'хромать (о животном)' (*ñorqal* 'хромой'); *nyrkyqo* 'пугаться' (*nyrkal* 'пугливый') (ОчСЯ 347); таз. *ñuñiqo* (Е 163), кет. *ñüjigu* 'быть сладким, сластить' (таз. *ñuñil* (Е 163), кет. *ñüji* 'сладкий'); Тsch. ОО *mootjang*, В *moočang*, Тас *motjang*, *mootjangang* 'ich hinke' (Тsch. ОО *mootjei*, В *moočal*, Тас *mootjal* 'lahm') (СЛ 58); Н. *mānak* 'wild sein' (*mānal* 'wild') (С 303); об. *cy:cy* 'затихать' (Кузьмина 1974) (*cy:* 'тихий' (Кузьмина 1973 : 228)), кет. *čekiġu* 'высохнуть' (*čeki* *εzan* 'высох (букв. сухой стал)'); ср. ОО *kuouan* 'reich werden' (*kuoi* 'reich') (С 118); таз. *kiryqo* (ОчСЯ 347), кет. *kirriġu* 'ободрать' (таз. *kirył* (ОчСЯ 347), кет. *kiri* 'ободранный, драный'); кет. *tirriġu* 'наполнить(ся)' (*tiri* 'полный') и т. п.

Глаголы качественного состояния, образованные способом конверсии, в целом аналогов среди суффиксальных отыменных дериватов не имеют (ср. таз. *wəryqy-tty-qo* (ОчСЯ 343), ен. *merki-ti-ko*, кет. *βarka-čču-ku* 'важничать, задаваться' < таз. *wəryqy*, ен. *merki*, кет. *βark(i)* 'большой'). Бессуффиксальные производные глаголы становления качества, наоборот, уступают в распространении суффиксальным: кет. *βarka-m-gu* 'увеличиться' (*βark(i)* 'большой'); байш. *səqə-r-qo* 'почернеть' (*səqə* 'черный') (В 214); таз. *qalmy-ry-qo* (ОчСЯ 347), кет. *kaim-ru-ku*, *kaimi-r-ku* 'проясниться' (таз. *qalmył* (ОчСЯ 347), кет. *kaimi* 'ясный') и т. д. (Кузнецова 1990 : 49—50; 44). Данная семантическая словообразовательная модель в других самодийских языках не представлена. Между тем в нганасанском выделяется большая группа слов, которые органически включаются в систему глагола, будучи по своему значению близки прилагательным (*bənotasa* 'быть усталым', *денинтысы* 'быть прохладным', *камсудя* 'быть сложенным друг на друга' и т. п. — Терещенко 1979 : 224), а во всех северносамодийских языках прилагательные могут выступать в функции простого сказуемого (ненецкий, энецкий в двух временных формах — Терещенко 1973 : 156). Следовательно, не обязательно усматривать во внутренней связи селькупских глаголов качественного состояния и качественных прилагательных с общей основой производность первых от вторых. И те и другие могут восходить к классу призначных слов, способных выступать в качестве атрибута и предиката. Подобные слова выделяются из современных языков в юкагирском, где они классифицируются как класс «качественных глаголов» или «процессива» (Крейнович 1958 : 159 и далее; 1982 : 97 и далее). Чукотские «имена качественного состояния» и корякские «имена прилагательные», не существующие вне личных форм, представляют собой такие же «качественные глаголы» (Володин 1991 : 105, 106). Соотношения значений 'X : быть X', 'стать X' у имени и глагола можно встретить и в реконструированных уральских амбивалентных основах, см., например, ур. **nislə* 'Baumsaft, Schleim, Splint, etwas schlüpfriges; schlüpfrig sein, sich ablösen, schinden'; **kuška* (*koška*) 'trocken; trocken werden'; (?) **šorwa* 'trocken; trocken werden' (Rédei 1988 : 329, 223, 502—503).

2. 'X : заниматься какой-либо деятельностью, направленной на производство, получение X'. Мотивирующее существительное используется в предложении в качестве подлежащего; прямого дополнения в форме аккузатива/номинатива или инструментала.

а) 'X : издавать X', где X — существительное, передающее звуковой физиологический процесс, производимый горлом, ртом, носом (ср. корни с артикуляторной мотивированностью — ОчСЯ 115—116): кет. *ḡot-ku*, тым., нар., об. *ḡodgu* 'кашлять' (кет. *ḡot*, тым., нар., об. *ḡod* 'кашель'; при кет. *ḡot* 'сопли' (анал. кам.; см. 26)); кет., об. *ḡaččigu* 'чихать' (*ḡačči* 'чихание'); кет. *čaḡigu* 'стонать' (*čaḡi* 'стон'); об. *лангы-* 'кричать' (Hel. 109) (кет., об. *laḡiḡi*, *laḡḡi* 'крик'); таз. *piḡiqo* 'смеяться' (E 186) TaN *piḡssə* 'skämt' (J 126); тым., нар., кет. *mūdiḡu*, *mūdugu* 'лаять' (тым., нар. *mūd*, кет. *mūdi* 'лай') и т. п.

Корни звукоподражательных глаголов могут быть осложнены суффиксальными элементами, но последние либо не отождествляются ни с одним именным или глагольным суффиксом селькупского языка, либо признаются глагольными (ОчСЯ 99—100). Следовательно, в отыменной деривации суффиксальные звукоподражательные глаголы не представлены. В рассматриваемой корреляции направление производности не устанавливается однозначно. Поскольку из однокоренных слов слова с меньшей степенью частотности должны рассматриваться как дериваты (Marchand 1974 : 246, а в нашем случае существительные по употребительности уступают глаголам — ОчСЯ 99) и учитывая, что звукоподражательные основы по языкам чаще оформляются как глаголы, реже — как существительные, в синхронном описании можно принять и первичность глагола по отношению к имени, соответственно считая направлением производности от первого ко второму. Такой подход, очевидно, отражают и самодийские реконструкции звукоподражательных глагольных (не именных) основ, когда их продолжениями выводятся однокоренные глаголы и имена в ряде языков группы: **pisz-* (? **pišš-*) 'lachen' (J 126), ср. нган. *хиду-си* 'смеяться' (*хиду* 'смех') (Терещенко 1979 : 248); **сэ́кз-* (? **сэ́кэ-*) 'stöhnen' (> ... neT va (T) *taxä*(св) 'стонать' (*taxä* 'стон')) (J 31). Тем не менее соотношение 'X : производить, издавать X' для значений имени и глагола в рамках общей формы может быть вынесено на самодийский уровень: **kot* 'Husten', verb. **kot-* 'husten' (> ... km (D) prs. sg. 1 *k'u'läm* 'husten' ((C) *ku'd*, *ku'n* 'Husten', (D) *ku'* 'Schmutz (in der Nase)') (J 74). Аналогичное соотношение значений имени и глагола можно встретить и в уральских ономастических корнях, ср. ур. **kuse* 'Husten; husten' (Rédei 1988 : 223). В то же время при диахроническом рассмотрении корреляции допускается отсутствие отношений производности между основами имени и глагола или глагола и имени. Подобные основы могут иметь своим источником неформленные звукоподражательные корни, по отношению к которым занимают равноправное положение. Такие корни, например, при описании тюркских и палеоазиатских языков иногда выделяются в самостоятельную часть речи (Кудайбергенов 1957; Худайкулиев 1962; Аврорин 1961; Панфилов 1971).

б) 'X : выделять X', где X — существительное со значением продукта жизнедеятельности живого организма: таз. *nelcyqo* 'потеть' (*nelcy* 'пот'), *sösyqo* 'плевать' (*sösy* 'плевок' (ОчСЯ 347)); таз. *ḡemiḡo* (E 89), кет. *ḡeḡḡigu* 'кровоточить' (таз. *ḡem* (E 89), кет. *ḡem*, Pl. *ḡeḡḡiḡa* 'кровь'); кетВ *putuku* 'плевать' (кетВ *putu* 'плевок', ср. NP. *puttu* то же (C 282)); В. *sōsaḡ*, Кар. *sūsaḡ*, Тас *šūsaḡ*, Тsch., ОО. *süōsaḡ* 'speien'

(В., Кар. *sûs*, Тас. *sôs, sûs* 'Speichel') (С 282); кет. *kûsîgu*, тым., нар. *kôžgu* 'мочиться' (кет. *kûsî*, тым., нар. *kôž* 'моча'); (D) Ту. *tôtku* : аог. sg. 1 *tûnnağ* 'scheissen' ((D) ТуМ *tôğ* 'syötti') (J 167); таз. *têqo* 'гнить' (ОчСЯ 347), кет. *têgu*, тым., нар. *tegu*, об. *тэ* 'сгнить' (Hel. 198) (таз. *tê* (ОчСЯ 347), кет. *tê*, тым., нар. *te*, об. *тэ* 'гной' (Hel. 198)). В последнем случае при перфективном значении глагола возможно соотношение с таз. *šettyrğo* 'стать с настом' (*šettyr* 'наст') (ОчСЯ 347).

Бессуффиксальные дериваты этого типа соответствий среди суффиксальных отыменных глаголов не имеют. Наличие семантической модели отмечается в других самодийских языках: (**kunsə* 'Harn' > ...) km. verb. prs. sg. 1 *kənzələm* 'pissen' ((D) *kənzə*, А *kunzə* 'Harn') (J 77); (**siasə(-)* 'Schaum' > ...) kb. verb. prs. sg. 1 *сузлӑм̆* 'плюю' (*сузо* 'слюна'); km. verb. prs. sg. 1 *суз^oл^am* 'speien' ((D) *сузу* 'Speichel') (J 142), ср. эн. *сочу-ць* 'плевать' (*сочу* 'слюни') (Сорокина 1976 : 143). Реконструкции **tüt* 'Scheisse', verb. **tüt-* 'scheissen' (> ... km. (D) prs. sg. 1 *t'u'lem* 'scheissen' ((C) *thü'd*, (D) *t'u'* 'Scheisse')) (J 167—168); **nöjkä* ~ *nüjkä* (? **no'jkä-* ~ **nu'jkä-*) 'Schweiss', verb. **nöjkä-* ~ **nüjkä* (? **no'jkä-* ~ **nu'jkä-*) 'schwitzen' (> ... neT va (T) *нэхось* 'потеть' (*нэхо* 'пот'); km. (C) verb. prs. sg. 1 *nogolam, nuyolam* 'schwitzen' ((C) *nogo*, (D) *nyğ* 'Schweiss')) (J 103); ср. эн. *нохо-ць* 'вспотеть' (*нохо* 'пот') (Сорокина 1976 : 173) позволяют выносить модель на самодийский уровень. Соотношение 'X : выделять X' для значений имени и глагола можно встретить и в реконструированных уральских амбивалентных основах, ср. ур. **wajne* 'Seele, Atem; atmen' (Rédei 1988 : 552).

в) 'X : делать так, чтобы иметь X', где X — прежде всего существительные с конкретным предметным значением: таз. *topir-* (E 274), кет. *čopirku* 'собирать ягоду' (таз. *topir* (E 273), кет. *čopir* 'ягода'); кет. *sarigu* 'завязать' (*sari* 'узел, связка'); об. *сö:тку* 'шить' (*сö:t* 'шов') (Кузьмина 1974 : 212); таз. *leniğo* (intr.) 'наняться (на работу)' (*leni* 'плата') (E 117); таз. *šünçyqo*, тым. *šünizigu* 'кончить, опустошить' (ОчСЯ 347) (таз. *šünçy* (ОчСЯ 347), тым. *šüniz* 'нутро'); таз. *ticyqo* 'загородить' (ОчСЯ 347) (*ticy* 'узкое место, перешеек'), *tyqo* 'делать нечто' (*ty* 'нечто'), *tiryqo* 'наполняться' (*tiry* 'совокупность'); ср. (C) N аог. sg. 1 *koptar* 'kastrieren' ((Pr) *qopti, qapti* '(kastrierter) Renti-ochse') (J 60); (D) аог. sg. 1 Ту. *тарав* 'vaihtaa' (? < **tärä-*), ТуМ *тарнав* (< **tär-*) (ТуМ *тар* 'пай') (J 154—155). Отыменные глаголы со значением 'делать так, чтобы иметь X' могут быть образованы и посредством суффиксов: таз. *miri-η-qo* (E 342), кет. *miri-η-gu*, тым., нар. *mere-η-gu* 'продать' (таз., кет. *mir*, тым., нар. *mer* 'цена'); таз. *qaly-š-qo* (ОчСЯ 34), баиш. *qaly-š-qo* (B 215), тым., нар. *кβili-š-gu*, кет. *кβelli-j-gu*, об. *кβele-s-ku* 'рыбачить, ловить рыбу' (таз., баиш. *qaly*, кет. *кβeli*, тым., нар. *кβil* 'рыба') (Кузнецова 1990 : 46, 47). Рассматриваемая семантическая модель сопоставима с нган. *дöкү-дя* 'прорубить лед' (*дöкү* 'прорубь') (Терещенко 1979 : 248); эн. *лэки-ць* 'трещать, расколаться' (*лэки* 'трещина') (Сорокина 1976 : 173). Аналогичные соотношения значений имени и глагола можно встретить и в реконструированных уральских бифункциональных основах, см. например, ур. **molz* 'Stück, Bruchstück; (zer)brechen' (tr., intr.); **mura* (*мурз*) 'Stück, Krümmchen; zerbrechen' (tr., intr.) (Rédei 1988 : 278, 288).

3. 'X : заниматься какой-либо деятельностью, используя X', где X — прежде всего существительное с конкретным предметным или вещественным значением. Мотивирующее слово выступает в предложении в качестве косвенного объекта (инструменталь : инструментальное, орнативное значение), прямого объекта (аккузатив/номинатив, инструменталь : орнативное значение), обстоятельства места (локатив : локативное значение): таз. *qati-* 'царапать' (*qatł* 'ноготь, коготь, копыто') (E 64), *oraqo* 'схватить' (*ora* 'горсть') (E 171), *māntiqo* 'мерить' (*māntł*, *māntł* 'мера') (E 124), ср. NP *maand'siam* 'ich mass' (NP *maand'si* 'Mass') (CL 57); таз. *šäqł-* 'солить, засолить' (*šäq*, *šäki* 'соль') (E 217); нем- 'назвать' (нем [nim] 'имя' (Hel. 128); N. *suñernam* 'färben (mit Erlen)' (*suñer* 'Farbe') (C 218); кет. *fapsugu*, тым. *čapsagu* 'жарить (на вертеле)' (кет. *fapsu*, тым. *čapsa* 'вертел', J (D) Tša aor. sg. 1 *tabsak* 'paistaa pulla tulen edessa'); ср. Tas *tenam* 'ich erinnere mich' (Tas Kar. *ten* 'Verstand') (CL 112) и т. п.

Отыменные глаголы бессуффиксального образования со значением 'заниматься какой-либо деятельностью, используя X' имеют аналоги среди суффиксальных дериватов, которым значительно уступают в распространении: баиш. *qato-l-qo* (B 214), кет. *katto-l-gu*, тым., нар. *kadog-l-gu* 'оцарапать' (баиш., кет. *katı*, тым., нар. *kad* 'коготь, ноготь, копыто'); таз. *šäqł-t(i)-qo* (E 217), баиш. *səqə-tə-qo* (B 212), кет. *sakı-t-ku*, тым. *šayı-t-ku* 'посолить' (таз. *säq*, *šäki*; баиш. *səq*, кет. *sakı*, тым. *say* 'соль'); кет. *poŋgi-r(i)-gu*, *poggi-r(i)-gu*, тым., нар. *poķi-r-gu*, *poķki-r-gu* (intr., tr.); таз. *poqqy-t-qo* (ОчСЯ 344), таз. *poqqi-tł-qo* (H 149), тым., нар. *poķi-čcu-gu*, *poķ(i)-čcu-gu* (intr.) 'рыбачить, ловить рыбу' (кет. *poŋgi*, *poggi*, таз., тым., нар. *poķk(i)* 'сеть') (Кузнецова 1990 : 45—46; 49—50). Данная семантическая модель сопоставима с нган. *kou-sya* 'метить уши (оленям)' (*kou* 'ухо'), *muŋku*-ca 'приехать в лес' (*muŋku* 'лес') (Терещенко 1979 : 248); а реконструкции **jäpsä* 'Stäbchen, Bratstäbchen'; **jäpsä* 'braten' (> ... km (C) prs. sg. 1 *fapselim* 'braten' ((C) *fapsu* 'Bratstäbchen')) (J 41); **kätä* 'Nagel, Krallen', дер. **kätä* 'kratzen' (> ... neT (T) ям. va *xäďä*(сь) 'разрыхлить снежный покров копытами в поисках ягеля (об оленях)' (*xäďä* 'коготь, ноготь, копыто')) (J 55—56) позволяют относить ее к самодийским. Аналогичные семантические отношения между именем и глаголом в рамках амбивалентной основы можно встретить и среди уральских реконструкций, см., например, ур. **woca* 'Zaun, Fischzaun; mit einem Wehr Fische fangen' (Rédei 1988 : 557).

4. 'X : иметь X' (реже — 'вызывать, причинять X'), где X — существительное, обозначающее процесс, состояние или отношение одушевленного субъекта. Мотивирующее слово выступает объектом обладания в *habeo*-конструкциях. В селькупском представлены следующие их типы: I. основа имени (объект обладания) + лично-притяжательный суффикс (субъект обладания) + глагол 'быть' или 'отсутствовать'; II. а) личное местоимение в основном падеже (субъект обладания) + основа имени (объект обладания) + лично-притяжательный суффикс (субъект обладания) + глагол 'быть' или 'отсутствовать'; б) существительное в основном падеже (субъект обладания) + основа имени (объект обладания) + лично-притяжательный суффикс 3 л. + глагол 'быть' или 'отсутствовать'; III. а) личное местоимение в местно-личном падеже (субъект обладания) + основа имени (объект обладания) + лично-притяжательный суффикс (субъект обладания) + глагол 'быть' или

'отсутствовать'; б) существительное в местно-личном падеже + основа имени (объект обладания) + лично-притяжательный суффикс 3 л. + глагол 'быть' или 'отсутствовать'. Хотя в языке отдается предпочтение конструкциям, где субъект обладания реализуется дважды — личными местоимениями и лично-притяжательными аффиксами, лично-притяжательный аффикс при имени-объекте обладания может опускаться (Ким 1981): *qūtyqo* (ОчСЯ 347), кет. *ḡūdiḡu*, тым., нар. *ḡōdāḡu* 'болеть' (таз. *qūty* (ОчСЯ 347), кет. *ḡūdi*, тым., нар. *ḡōd* 'болезнь'); таз. *mūtṭiqo*, *mūtṭiqo* 'воевать, бороться' (Е 146) (*mūtṭi*, *mūtṭi* 'война') (Е 145); ен. *eniḡo* таз. *eniḡo* *eniḡo* 'бояться, страшиться' (Е 32) (таз. *eniḡ* : *ašša e.* 'бесстрашно' (Е 32), ен. *enaḡ* 'боязно'); тым., нар. *čūžāḡu*, кет. *kūšugu* 'болеть (о какой-либо части тела)' (тым., нар. *čūža* 'боль', кет. *kūssu.* 'боль'); кет. *lerrugu* 'бояться' (*lerru* 'страх'), *piččiqo* 'вывихнуть' (*piččiq* 'вывих'); таз. *kekḡiqo* 'мучить' (*kekḡi* 'мучение / Qual, Pein') (Е 87), кет. *lettṭigu* 'поддержать (оказать помощь); терпеть, вынести (иметь помощь, поддержку)' (*lettṭi* 'помощь, поддержка'). Глаголы состояния, поведения человека от существительных со значением процесса, состояния или отношения суффиксальным способом практически не образуются, ср. кет. *mūdṭi-čču-gu*, *mūdṭi-ču-gu*, тым. *mōdā-čču-gu*, *mōdā-ču-gu* 'воевать' (*mūdṭi*, *mōdā* 'война') (Кузнецова 1990 : 49—50). Семантическая словообразовательная модель сопоставима с нган. *ḡari-si* 'болеть' (*ḡari* 'боль'); *ḡazu-sy* 'быть видным' (*ḡazu* 'вид') (Терещенко 1979 : 248). Подобные семантические отношения между именем и глаголом в рамках одной формы можно встретить и среди реконструированных уральских бифункциональных основ, ср. ур. **torz* 'Streit, Ringen; streiten, ringen' (Rédei 1988 : 531).

5. 'X : происходить X', где X — существительное со значением явления природы. Мотивирующее слово может а) представлять собой односоставное номинативное предложение; б) выступать подлежащим в предложении, где сказуемое выражено глаголом бытия или движения; в) использоваться в форме адвербиальной репрезентации при глаголе бытия, образуя вместе с последним составное именное сказуемое — главный член односоставного безличного предложения. Последнее особенно сближает мотивирующее существительное с мотивированным им глаголом, формы которого также обычно выступают главным членом односоставного безличного предложения. Но подобному использованию рассматриваемых глаголов предшествовало их функционирование в двусоставных предложениях. Так, А. И. Кузьмина в статье «К этимологии названий месяцев, сторон света, звезд и созвездий в селькупском языке» приводит ряд примеров, где слово *nom* 'бог' неизбежно сопутствует обозначению природных явлений: об. ном *тэ'сунджинг* 'мороз будет', ном *со'ролджинг* 'дождь будет' (Кузьмина 1977 : 71). В наше время среди младшего и старшего поколений селькупов происходит вытеснение слова *nom* 'бог' даже из устоявшихся оборотов (Ким 1980 : 102—103). Примеры: таз. *merḡiqo* (Е 134), кет. *merḡiqo* 'дуть ветру' (таз. *merḡi*, *mārḡi* *merḡi* *merḡi* (Е 134), кет. *merḡi* 'ветер'); кет. *tassugu* 'быть морозу' (*tassu* 'мороз'); об. *соронджу-* [*sorānčə-*] (Hel. 174), об. *соронзигу*, кет. *serro-gu* 'быть дождю' (об. *соронджь* [-*nčə*] (Hel. 174), кет. *serro* 'дождь') и т. п. Глаголы со значением явлений природы от именных основ посредством суффиксов практически не образуются, ср. таз. *puskattṭi-*, *pusqattṭi-* 'пуржить' (*puskat*, *pusqat* 'пурга, буран') (Е 196). Основы, передающие значение явлений природы, ис-

пользуются в качестве именных/глагольных также в других языках самодийской группы и, очевидно, аналогично функционировали в прасамодийском (ср. J 93, 135—136, 159).

Как было продемонстрировано, современным мотивационным отношениям между селькупскими именами и глаголами с общей основой можно найти соответствия в других языках самодийской группы, при этом члены глагольных/именных корреляций живых языков нередко возводятся к самодийским материально идентичным глагольным и именным праформам. Реальность существования конверсии в самодийских языках, а также реконструкция для прасамодийского тождественных по форме глагольных и именных основ, продолжения которых связаны в современных языках отношениями внутренней производности, могут служить аргументацией факта конверсии в прасамодийском. Хотя трудно и вряд ли необходимо сравнивать современное сознательное словопроизводство по модели «имя → глагол» с древним приемом безаффиксального словотворчества, семантическая деривация глаголов от имен представляется для праязыка вполне вероятной. В то же время наличие в нем модели «глагол → имя» исключается, поскольку субстантивация вербального признака требует значительной степени абстракции, которая еще не была свойственна древнему человеку. Интерес представляет и тот факт, что самодийским семантическим корреляциям находятся аналоги в рамках реконструированных уральских бифункциональных основ. Следует ли считать эти основы однозначно реликтом более древнего состояния, когда части речи еще четко не разграничивались, или среди них есть и такие, которые можно рассматривать как результат преобразований, внешне и внутренне аналогичных позднейшим конверсивным — отдельный предмет специальных разысканий. Пока же можно лишь констатировать, что вопросы семантической структуры уральских амбивалентных основ, как и внутренние отношения между именными и глагольными значениями в пределах бифункциональных праформ достаточного освещения в специальной литературе не получили (Laakso 1990).

Сокращения

Диалекты и говоры селькупского языка: **баиш.** — баишенский говор енисейского диалекта; **ен.** — енисейский диалект; **кет.** — кетский диалект; **кетВ.** — верхнекетский говор кетского диалекта; **нар.** — нарымский диалект; **об.** — обский диалект; **сев.** — диалекты северного ареала; **таз.** — тазовский диалект; **тым.** — тымский диалект; **южн.** — диалекты южного ареала; **В** — Л. А. Варковичка, Глагольное словообразование в селькупском языке (по материалам баишенского говора). Канд. дисс., Москва 1947; **ОФУЯ** — Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков), Москва 1974; **ОчСЯ** — А. И. Кузнецова, Е. А. Хелимский, Е. В. Грушкина, Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект, Москва 1980; **С** — М. А. Castrén's Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen. Bearbeitet von A. Schiefner, St.-Petersburg 1855; **CL** — Samojedische Sprachmaterialien. Gesammelt von M. A. Castrén und T. Lehtisalo, Helsinki 1960 (MSFOu 122); **E** — I. Erdélyi, Selkupisches Wörterverzeichnis. Tas-Dialekt, Budapest 1969; **H** — P. Hajdú, Chrestomathia Samoiedica, Budapest 1969; **Hel.** — E. Helimski, The Language of the First Selkup Books, Szeged 1983; **J** — J. Janhunen, Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien, Helsinki 1977 (Castrenianumin toimitteita 17).

ЛИТЕРАТУРА

- Аврорин В. А. 1961, Грамматика нанайского языка, т. II, Москва—Ленинград.
 Аракин В. Д. 1985, История английского языка, Москва.
 Володин А. П. 1991, Персональность в агглютинативных языках Евразии (на материале финно-угорских, самодийских, тюркских, тунгусо-маньчжурских, палеоазиатских и некоторых кавказских языков). — Теория функциональной грамматики: персональность, залоговость, Санкт-Петербург, 87—108.

- Жлуктенко Ю. А. 1958, Конверсия в современном английском языке как морфолого-синтаксический способ словообразования. — ВЯ, № 5, 53—64.
- Иванова И. П. 1963, О морфологической характеристике слова в современном английском языке. — Проблема морфологического строя германских языков, Москва, 204—211.
- Карашук П. М. 1977, Словообразование английского языка, Москва.
- Ким А. А. 1980, О связи категории притяжательности с категорией определенности в селькупском языке. — Языки и топонимия, вып. 7, Томск, 100—106.
- 1981, *Habeo*-конструкции в селькупском языке. — Языки и топонимия, Томск, 90—94.
- Крейнович Е. А. 1958, Юкагирский язык, Москва—Ленинград.
- 1982, Исследования и материалы по юкагирскому языку, Ленинград.
- Кубрякова Е. С. 1974, Деривация, транспозиция, конверсия. — ВЯ, № 5, Москва, 64—76.
- Кудайбергенев С. 1957, Подражательные слова в киргизском языке, Фрунзе.
- Кузнецова Н. Г. 1987, Глагольная подсистема кетского диалекта селькупского языка. Канд. дисс., Томск.
- 1990, Суффиксы отыменной глагольной деривации в диалектах селькупского языка. — LU XXVI, 43—56.
- Кузьмина А. И. 1973, К вопросу о фонемном составе селькупского языка. — Самодийский сборник, Новосибирск, 212—229.
- 1974, Грамматика селькупского языка, ч. 1. Селькупы и их язык, Новосибирск.
- 1977, К этимологии названий месяцев, сторон света, звезд и созвездий в селькупском языке. — Языки и топонимия, вып. 4, Томск, 71—85.
- Майтинская К. Е. 1975, К вопросу об истоках морфологии в уральских языках. — CIFU III, 125—129.
- Панфилов В. З. 1971, Грамматика нивхского языка. Взаимоотношения языка и мышления, Москва.
- Прокофьев Г. Н. 1937, Селькупский (остяко-самоедский) язык. — Языки и письменность народов Севера, ч. I, Москва—Ленинград, 91—124.
- Серебренников Б. А. 1963, Историческая грамматика пермских языков, Москва.
- 1983, О материалистическом подходе к явлениям языка, Москва.
- Смирницкий А. И. 1953, Так называемая конверсия и чередование звуков в английском языке. — Иностранные языки в школе, № 5, Москва, 21—31.
- 1954, По поводу конверсии в английском языке. — Иностранные языки в школе, № 3, Москва, 12—24.
- 1956, Лексикология английского языка, Москва.
- Сорокина И. П. 1976, Словообразование глагола энецкого языка. — Грамматические категории, Москва (Лингвистические исследования 1976), 170—180.
- Терещенко Н. М. 1973, Синтаксис самодийских языков. Простое предложение, Ленинград.
- 1979, Нганасанский язык, Ленинград.
- Хакулинен Л. 1953, Развитие и структура финского языка, ч. I. Фонетика и морфология, Москва.
- Хелимский Е. А. 1988, Историческая и описательная диалектология самодийских языков. Автореф. докт. дисс., Тарту.
- Худайкулиев М. 1962, Подражательные слова в туркменском языке, Ашхабад.
- Arnold, J. V. 1986, *The English Word*, Moscow.
- Collinder, B. 1969, *Survey of the Uralic Languages*, Stockholm.
- Hajdú, P. 1963, *Samoyed Peoples and Languages*, Bloomington—the Hague (UAS 14).
- Laakso, J. 1990, Reflection on the Problem of Uralic Nominal-Verbal Word Stems. — CIFU VII 2A, 129.
- Marchand, H. 1974, *Studies in Syntax and Word Formation*, München.
- Molnár, F. A. 1985, Einige Probleme der Nomen-Verba in den finnisch-ugrischen Sprachen. — Шестой международный конгресс финно-угроведов. Тезисы. Языкознание, том II, Сыктывкар, 88.

N. G. KUZNECOVA (Tomsk)

KONVERSION IM SÖLKUPISCHEN

In der denominalen Derivation sölkupischer Verben wird Konversion festgestellt. Die Ableitung des Verbs von dem Nomen wird durch die kompliziertere semantische Struktur des ersten bestätigt. Dabei lassen sich semantische Beziehungen zwischen den nomi-

nalen und verbalen Stämmen als bestimmte Korrelationen vorstellen. Für Motivierungsbeziehungen zwischen sölkupischen Nomina und Verben mit gleichen Stämmen kann man in den anderen samojedischen Sprachen Entsprechungen finden. Das Vorhandensein von Konversionsmodellen in den Sprachen dieser Gruppe, die Rekonstruktion samojedischer materiell identischer Verbal- und Nominalstämmen, deren Fortsetzungen in modernen Sprachen durch semantische Derivation verbunden werden, könnten als Beweis für die Existenz einer solchen Ableitungsart im Ursamojedischen dienen.

